

Валерий БЕЛЯКОВИЧ:

Известия - 2000 - 30 авг - с. 8.

Те, кому я 25 лет капаю на мозги, начинают меня тихо ненавидеть

На днях исполнилось 50 лет известному режиссеру Валерию Беляковичу. Скоро минет 25 лет, как он создал Театр на Юго-Западе. Лет двадцать тому назад студия на Юго-Западе была одним из самых модных, самых громких московских театров, но с тех пор прошла не одна — несколько общественных эпох, и все мы прожили по многу жизней. А театр по-прежнему живет, и им все так же руководит Валерий Белякович. И для начала я спросил его о том, как все начиналось, кто были те ребята, с которыми он работал.

В далеком 1974 году я предложил своему брату создать не театр даже — театральный кружок. Брат только что пришел из армии — вместе с Авиловым, до этого они учились в одном классе. А я был старше их на три года, учился в Педагогическом институте имени Ленина, работал артистом у Геннадия Ивановича Юденича, имел опыт театра юных москвичей при Дворце пионеров и год проучился в ГИТИСе, у Гончарова, на актерском курсе. А еще я был заведующим библиотекой в Востряковом и жить не мог без театра — вот я и предложил брату что-нибудь поставить. И мы сделали «Женитьбу» Гоголя: это был первый наш спектакль. Расклеили объявления по всем пригородным железнодорожным станциям: набирается театральная группа, приходите. Девять человек откликнулись — и мы начали репетировать.

— В семидесятые годы прожить было сложно.

— Провиваться? Да у нас и в мозгу этого не было. Я никогда не хотел делать театр: мы играли и получали от этого удовольствие. Первые спектакли шли в моей библиотеке, в комнате, где было метров пятнадцать. Сначала играли «Женитьбу», а потом «Водевили», и это уже был настоящий андеграунд брежневских времен — в выражениях мы не стеснялись. В «Беде от нежного сердца» мой брат и Авилов играли матушек со всей ненормативной востряковской лексикой, и наши друзья, которые приходили смотреть спектакль, были в восторге. Нас спокойно могли за это повязать и посадить — но молодости свойственно безразсудство.

Я заведовал библиотекой, а она была подотчетна отделу культуры Гагаринского района. Вот мне и сказали — есть у нас клуб «Гагаринец» и две ставки. Это сейчас никуда не пробьешься, а тогда было просто: бери «Гагаринец», там никого нет, там собакам прививки делают... Нам отдали клуб, и мы отремонтировали его за свои «бабки».

— А откуда «бабки» взялись?

— Я все лето работал дворником на двух больших участках. Косил траву и много получал — почти триста рублей в месяц. По тем временам это были очень большие деньги: в то вре-

мя в наших краях строили «востряковский Пентагон» (Академию Генерального штаба), и машина с кирпичом у солдат стояла шестьдесят рублей. Я останавливал шофера-срочника, он сваливал кирпич у клуба, и мы быстро лепили из них стенку. А остальное (сварочные аппараты, трубы и прочее) мы воровали с олимпийских объектов.

— Вот они — преимущества рабочей молодежи!

— Рабочая молодежь наглая. Но мы были уверены в том, что ворует на благое дело, для государства. Мы же спектакли десять лет бесплатно играли, верно? Так почему бы и не взять немножко у родной страны... Посадить, впрочем, все равно могли — да Бог миловал.

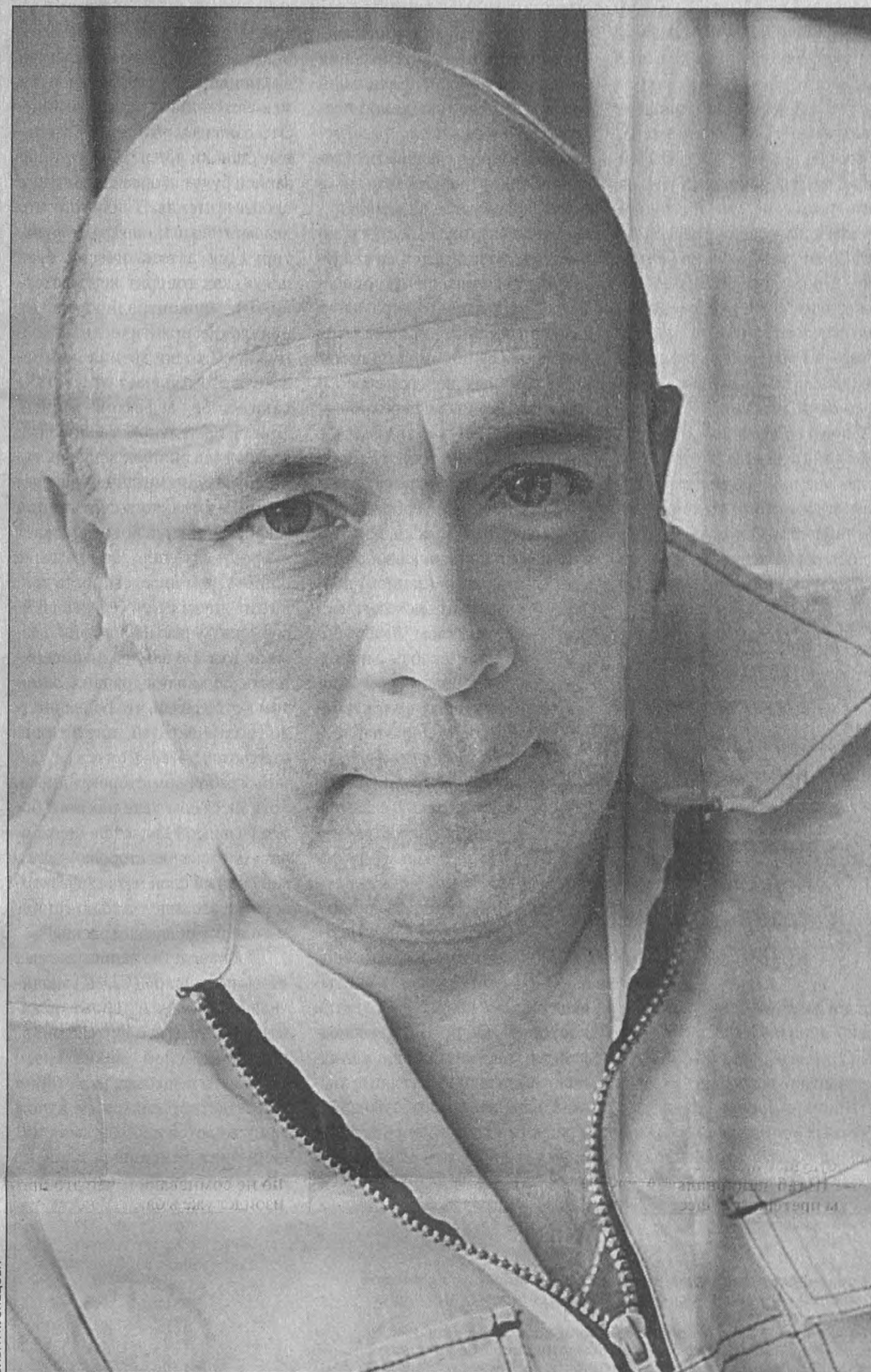
— Вам повезло. Но когда о вас заговорили, когда вы оформились как театр?

— В поздние советские времена в Москве всюду шуровала «театральная мафия»: все дефицитные билеты выкупали студенты-бауманцы, по ночам дежурили у касс в ватниках. Во времена «Дракона», «Носорогов» и «Гамлета» они ночевали и у нашего подъезда и меняли наши билеты на самые ходкие московские театральные шлягеры. Дай им бог здоровья, это они сделали нам паблсити. 1980 год — с этого времени мы пошли. А в 1983-м нас закрыли — за «Носорогов».

В 1983-м андроповском году по Министерству культуры был издан страшный приказ: в него попали любимовский «Борис Годунов», «Самоубийца» из Театра Сатиры и «Носороги» на Юго-Западе. Для нас была большая честь состоять в одном приказе с большими профессиональными театрами — но у них закрыли спектакли, а нас прикрыли совсем. И мне стоило большого труда поднять на ноги общественность — в результате нам снова разрешили существовать, но мы были закрыты месяца три.

— И как это приняли ваши ребята?

— Спокойно — у них у всех была другая работа. Я не перестал платить им зарплату потому, что зарплат у нас вообще не было, я сказал им — подождите. А что тут сделаешь: разогнали — и все. Вредный оказался театр.

ОЛГА КУЗНЕЦОВА

К этому времени наши актеры ушли с работ, которые требовали времени, и стали уборщиками и сторожами. А Авилов работал ночами: он возил песок в Рублевские карьеры, во время рейса останавливал машину у театра, играл, а потом ехал

дальше. К тому же у него были поддельные печати, и он делал себе фальшивые квитанции на лишние ездки. Он хитрож...й был.

— Когда ваши актеры оставили замечательные работы сторожей и уборщиков?

— В 1987 году, уже при Горбачеве. Мне было невероятно сложно добиться того, чтобы в Москве родился новый театр, но тогда происходило много невероятного. И все они побросали работы и принесли к нам свои трудовые книжки.

— Ставки-то большие были?

— Какие там ставки! Слезы. Но это было неважно — мы стали театром и могли нормально работать. И мы были первыми — и Розовский, и Спесивцев оформились после нас.

— В восьмидесятые годы ваш театр подкупал бешеным напором молодой энергии, которая шла со сцены в зал. С тех пор прошло много времени, ваши актеры моложе не стали, не помолодел и театр... Как вы работаете вместе, не было ли у вас расколов и распадов?

— Развалы и расколы происходят бесконечно — каждый год, каждую поездку. Артисты — сукины дети: кто-то запил, кто-то надулся. Сейчас вот с Авиловым трагедия.

— В чем дело?

— Он целый год болел туберкулезом, который умудрился подхватить неизвестно где. Авилов сейчас инвалид второй группы.

— Но он играет?

— Да. Но ему нельзя пить — а он все равно пьет, ему нельзя курить — а он курит «Беломор»... И люди, которым я уже двадцать пять лет тарабаню мозги, начинают меня тихо ненавидеть. Что ж, это нормальное человеческое восприятие, актеры уходили и от великого Товстоногова. Ситуация кризисная, в Театр на Юго-Западе должен прийти новый молодой режиссер. Должны заявить о себе новые актерские звезды. Так и происходит — у нас есть хорошая молодежь, и репертуар будет держаться на ней. А старые хряки понемногу отходят на возрастные роли. Их пора прошла.

— Для главного режиссера нефизиологично приводить в свой театр нового, молодого постановщика...

— Да ради бога! Я поставил себе срок — двадцать пять лет, дольше тянуть этот воз смысла не имеет. Я давно здесь изоставился и сейчас с большим удовольствием работаю на больших площадках: выпустил спектакль в Нижнем Новгороде, сейчас поеду в Пензу. В феврале меня пригласили поставить спектакль в Токио... Юго-Запад я бы оставил в качестве экспериментальной сцены и театральной школы. На периферии я могу работать в любом театре — но мне нужна большая сцена в Москве.

— Вам исполнилось пятьдесят. Вы довольны собой?

— Я доволен тем, что у меня есть работа, и не доволен итогами. Но выход есть — нужна новая кровь, новые артисты, новая площадка... Нужно все — кроме публики: если у нас в театре есть пустое кресло, то это нонсенс.

АЛЕКСЕЙ ФИЛИППОВ